

*Пищемуха В.Г.,
к.и.н., доцент кафедри
общегуманитарных дисциплин
Международного гуманитарного университета*

БОРИС ЛИСАНЕВИЧ И АЛЕКСАНДР МАРК: ОДЕССИТЫ «ПОКОЛЕНИЯ BELLE ÉPOQUE»

Аннотация. Статья посвящена памяти двух выдающихся одесситов, которые блестяще самореализовались в противоположных точках Земли: Париже и Катманду. С целью освещения и осмысления их сходных судеб разработана и введена концепция поколения «прекрасной эпохи».

Ключевые слова: поколение, «прекрасная эпоха», Одесса, эмиграция.

Вступление

В 1897 г. в Российской империи была проведена всеобщая перепись населения. В аналитической записке, относящейся к Одессе, отмечено: «Весьма характерным для Одессы является значительное число проживающих в ней иностранных подданных, определенное по переписи в 19.422, что составляет 4.8% всего ее населения (в С.- Петербурге при населении в 1.264.920 человек всего 22.105 иностранных подданных)» [1]. С добавлением к этому факту национальных, культурных, экономических, межличностных, транспортных и других особенностей Одессы, она была самым непосредственным образом интегрирована в европейское цивилизационное пространство. А после 1917 г. она повторила судьбу Ленинграда, который стал «столичным городом с областной судьбой». Эти два славных города объединяет также огромный отток их населения в эмиграцию.

Культурный исход из Одессы приобрел различные формы и географические направления. Например, одесский литературный десант в Москву, когда вслед за Валентином Катаевым в течение 1922 – 1925 годов туда переместились Эдуард Багрицкий, Юрий Олеша, Исаак Бабель, Вера Инбер, Лев Славин, Семён Кирсанов, Илья Ильф, Евгений Петров и многие другие. Как шутил М. Жванецкий, чтобы приобрести известность в литературе надо изловчиться, но родиться в Одессе, а затем, для начала, отправиться в Москву. Впрочем, эта страница одесской диаспоры хорошо известна и она лишь служит многоцветной декорацией туманной драмы огромного количества одесситов, избравших свою судьбу в другом направлении – западном.

Среди них находились два очень разных, на первый взгляд, человека: артист балета, ресторатор Борис Лисаневич и философ Александр Марк (Липинский). Но они оба родились и провели детство в Одессе, а этот период жизни всегда оставляет ностальгический след в сознании. В своей книге «Семь лет с Исааком Бабелем. Воспоминания жены» его супруга, навсегда расставаясь с арестованным мужем сказала: «Буду вас ждать, буду считать, что вы уехали в Одессу...». Лисаневич умер в Катманду, Марк в г. Ванс возле Ниццы, но на надгробных плитах обоих указана дата и место рождения: Одесса, 1905 и Одесса, 1904. Они оба – люди одного поколения, а это сильнейшая связующая нить.

Прежде чем рассмотреть жизнь и судьбу Бориса Лисаневича и Александра Марка, кратко рассмотрим основные положения концепции того поколения, к которому они оба принадлежали.

В истории Европы XX века существует знаменитое «потерянное поколение», иногда говорят о поколении «68-го года». Но было еще одно фантастическое поколение европейских интеллектуалов, каждый из представителей которого, получив заслуженное индивидуальное признание, не осмыслен в категории своего поколения. Сначала приведем далеко не исчерпывающую поколенческую группировку.

Разумеется, эту подборку можно было бы расширить, но даже в таком ограниченном объеме она позволяет сделать вывод о существовании четкой социологической когорты, в контексте которой возможно более полно составить представление о каждом ее представителе.

В основе приведенной возрастной классификации находится дата рождения, которая охватывает первое десятилетие XX века. Но данное поколение этим периодом не исчерпывается, это лишь та группа сверстников (generational group), которая обозначила, маркировала культуру своего поколения, явилась фактором притяжения и адсорбции многих индивидов, особенно более молодых, чья дата рождения не вписывается в указанный период. Например, А. Камю родился в 1913, а Ромен Гари в 1914, но принадлежат они к поколению Сартра и Мальро.

Люди, годы... судьба	
Л. Бунюэль (1900 – 1983), Испания;	Х. Арендт (1906 – 1975), Германия;
В. де Сика (1901 – 1974), Италия;	С. Беккет (1906 – 1989), Ирландия;
А. Мальро (1901 – 1976) Франция;	П. Мендес Франс (1907 – 1982), Фр.;
К. Поппер (1902 – 1994), Австрия;	М. Элиаде (1907 – 1986), Румыния;
Т. Адорно (1903 – 1969), Германия;	А. Моравиа (1907 – 1990), Италия;
Д. Оруэлл (1903 – 1950), Англия;	С. де Бовуар (1908 – 1986), Франция;
С. Дали (1904 – 1989), Испания;	М. Мерло – Понти (1908 – 1961), Фр.;
Ж.П. Сартр (1905 – 1980), Франция;	К. Леви – Стросс (1908 – 1990), Фр.;
Д. Шостакович (1906 -1975), Россия;	А. Печчеи (1908 – 1984), Италия;
Р. Арон (1905 – 1983), Франция;	Э. Ионеско (1909 – 1994), Румыния, Франция;
Э. Мунье (1905 – 1950), Франция;	О. Телига (1907 – 1942), Украина;
П. Клоссовски (1905 – 1995), Франция;	Ю. Липа (1900 – 1944), Украина;
Ги Молле (1905 – 1975), Франция;	С. Вейль (1909 – 1943), Франция;
Э. Левинас (1906 – 1995), Франция;	И. Берлин (1909 – 1997), Англия;
Л. Висконти (1906- 1976), Италия;	И. Курчатов (1903 – 1960), Россия;
М. Шолохов (1905 – 1984), Россия	Г. Шульце-Бойзен (1909-1942), Герм.; К.Ш.фон Штауффенберг (1907-1944), Германия;
А. Джакометти (1901-1966), Швейц-я;	Э. Фромм (1900-1980), Германия;
М. Селимович (1910 – 1982), Сербия;	О. Ольжич (1907 – 1944), Украина;
Э. Чоран (1911 – 1995), Румыния;	Р. Шухевич (1907 – 1950), Украина;
М. Дитрих (1901 – 1992), Германия;	А.Кожев (1902-1968), Россия;
Г. Газданов (1903 – 1971), Россия;	Ф. Хайек (1899 – 1992), Австрия;
А. Спинелли (1907 – 1986), Италия;	В. Леонтьев (1906 – 1999), Россия;
А. Маньяни (1908 – 1973), Италия;	Ж. Сименон (1903 – 1989), Франция;
Р. Росселлини (1906 – 1977), Италия;	Ж. Габен (1904 – 1976), Франция;
Л. Рифеншталь (1902-2003) Германия;	Д. де Ружмон (1906 – 1985), Швейц-я.
Ивлин Во (1903 – 1966), Англия.	

Почему базовым хронологическим фактором избран именно этот период и какое название можно было бы присвоить данному поколению?

Согласно теории поколения, оно проходит две главных фазы социализации – детство и юношеское вступление в самостоятельную жизнь, каждая из которых охватывает примерно по десять лет. Именно на этих этапах родственная возрастная группа получает шанс не только сформироваться как целостный социологический феномен, но заявить о себе и идентифицироваться в нескончаемом потоке сменяющих друг друга поколенческих образований. Дата рождения всегда была не только биографическим фактом, но и в значительной определяла судьбу человека.

У поколения, которое мы рассматриваем, первичная социализация пришлась в основном на предвоенный период, оно не воевало в первой мировой войне и это решающим образом отделяет его от «потерянного поколения», даже если представители последнего, например, Э. Хемингуэй (родился в 1899) и Э.М.Ремарк (родился в 1898) близки к нему хронологически. Его вторичная социализация происходила в 20-х – нач. 30-х гг., когда судьба стала определяться не столько годом рождения, сколько местом: Германия, Италия, Франция, Испания или Россия. Поэтому, если мы ставим своей целью обнаружить фактор, который в наибольшей степени сближает данное поколение европейцев и отражает его континентальную целостность, им окажется детство.

К истории Европы конца XIX в. и вплоть до 1914 г. (исторический рубеж этих двух веков) применимо два образных понятия, которые обобщают огромный исторический материал: «настроение конца века» (*fin de siècle*) и «прекрасная эпоха» (*belle époque*).

Но затем наступил ожог 14-го года, кошмар Великой войны, осознание постигшей Европу катастрофы, рождение перманентного чувства неуверенности в современности и страха перед будущим. Типичной реакцией на подобную ситуацию является ностальгия по прошлому и его идеализация. В 20-е годы XX в. подобное настроение стало повсеместным в Европе, но именно во Франции оно воплотилось в изящном словосочетании – «прекрасная эпоха».

Смысл знаменитой фразы Талейрана «Кто не жил до 1789 года, тот не знает, что такое наслаждение от жизни» через идею «прекрасной эпохи» переносится из послевоенных 20-х гг. в 1914 г. и демонстрирует универсальный характер склонности людей к идеализации своего прошлого. Это навязчивое возвращение в прошлое своего детства является одним из факторов консолидации многих поколений:

Казалось, что этого дома хозяева
Навечно в своей довоенной Европе,
Что не было, нет и не будет Сараева,
И где они, эти мазурские топи?..

(Арсений Тарковский (1907 – 1989), «Тогда еще не воевали с Германией»)

Таким образом, только то поколение, социализация которого органически связана с материальными условиями и духом 1900 – 1914 гг. может быть выделено на шкале истории поколений и обозначено как «поколение прекрасной эпохи».

Становление данного поколения, как ни одного другого в XX веке, было отмечено переломными историческими событиями, в целом совпадавшими

с этапами взросления и оказавшими основополагающее влияние на его формирование. Детство было расколото первой мировой войной, юность отмечена явственным кризисом европейской цивилизации, наступлением тоталитаризма и приближением новой войны, вступление в зрелость — для одних оккупацией и участием в движении Сопротивления, для других — эмиграцией или внутренней самоизоляции.

А ведь казалось, судьба благоволит к европейцам, родившимся в первом десятилетии XX века. Это были социально и политически вполне спокойные годы приличного материального благополучия семей среднего класса, из которых вышло большинство представителей рассматриваемого поколения европейских интеллектуалов и политиков. Констатация семейного уюта и комфорта в воспоминаниях ровесников века о своем детстве — это не только естественная идеализация, свойственная каждому человеку, а отражение неповторимого обаяния духа эпохи их детства.

Формирование «естественного образа мира» (Карл Мангейм) у поколения *belle époque* в процессе его первичной социализации происходило в исключительно спокойных для детской психики условиях. Знакомясь с многочисленными мемуарами представителей этого поколения, невольно приходишь к выводу, что у большинства из них воспоминания о детстве пронизаны ностальгическим настроением, смысл которого выразила Симона де Бовуар: «Я думала о прошлом как о потерянном рае» [2, 82].

Вторым массовым впечатлением, эмоционально консолидирующим поколение «прекрасной эпохи» является общее ощущение потери своего места в истории, когда европейцы оказались «выброшены из своих биографий, как шары из бильярдных луз» (О. Мандельштам).

Особенность мироощущения европейской молодежи, вступившей в самостоятельную жизнь после первой мировой войны, состояла в том, что она, в отличие от предшествующих поколений, начала узнавать о «закате Европы», о «конце истории», о «последнем европейце». Мировая война оказалась первым потрясением, которое бесповоротно раскололо мир этого поколения, грубо отбросив детство в прошлое, но создав, вместе с тем, фон для его идеализации.

Десятилетие, последовавшее после окончания войны, пришлось на период вторичной социализации этого поколения. За исключением России и Италии, где укоренившиеся в обществе режимы поставили молодежь перед необходимостью совершать выбор между конформизмом и сохранением духовной независимости, в остальной Европе поколение *belle époque* пошло в университеты и

начало, по словам К. Мангейма, «самостоятельно экспериментировать с жизнью».

Сразу после окончания первой мировой войны во Франции начали собираться представители искусства старшего поколения, которых манила бурлящая художественная атмосфера Парижа. Несколько позже к ним присоединились более молодые художники, литераторы, кинематографисты.

Если для большей части рассматриваемого поколения в Западной Европе первым переломным событием жизни явилась Великая война, то для их сверстников в России — Октябрьская революция: «Сейчас, когда со времени первой мировой войны прошло почти полвека, я вспоминаю об этом совсем еще близком времени, как о чем-то очень давнем, тонущем в тумане прошлого... Сейчас мы относимся ко всему, что было до семнадцатого года, как к детству... Война 1914 года не завладела сознанием так окончательно, как все, что случилось после нее», — вспоминал К. Паустовский [3, 324 — 325].

Пожалуй, во многих отношениях среди крупных континентальных стран Европы наиболее благоприятные условия для вторичной социализации «поколения *belle époque*» имелись во Франции. В ней отсутствовали серьезные экономические и политические катастрофы, потрясавшие Германию и Россию, она не была распята, подобно Испании, гражданской войной, ее не окутала, как Италию, вязкая и удушающая атмосфера всеобщего конформизма.

С точки зрения самооценки этого поколения, привлекает внимание категоричная фраза Ж.-П. Сартра, которую привела С. де Бовуар: «Сравнивая свое поколение с предыдущим, Сартр заключил: «Мы несчастнее, но мы симпатичнее» [2, 442]. Казалось бы, крайне необъективное суждение, если учесть, что предыдущее поколение прошло через ад первой мировой войны, — и очень односторонне субъективное по отношению к своим сверстникам.

Но, если вдуматься, поколение Сартра было первым, которое вступило в эпоху перманентного кризиса европейской цивилизации и мучительно осознавало это состояние в течение всей своей жизни. Для поколения *belle époque* ощущение трагизма человеческого существования стало содержанием не только нескольких лет войны, а делом всей жизни, превратилось в элемент «структур повседневности» (Фернан Бродель). Это поколение открыло новую страницу истории, остро почувствовав на собственном жизненном и духовном опыте трагедию потери человеческой укорененности, отрыва от корней, как исторических, так и метафизических.

Французская публицистка, философ и богослов Симона Вейль (1909 — 1943) считала, что эта социальная болезнь охватила как все общество, так и каждого отдельного человека: «Укоренение — это, быть может, наиболее важная и наименее признанная потребность человеческой души... У человека есть корни благодаря его реальному, активному и естественному участию в жизни сообщества, которое сохраняет живыми определенные сокровища прошлого и некоторое предчувствие будущего» [5, 61].

В пределах каждого отрезка времени перекрещиваются жизненные пути представителей различных поколений, но на исторической оси времени часто можно выделить определенное социально — биологическое ядро, которое придает эпохе ее неповторимое своеобразие. Как это и произошло с поколением *belle époque*.

Часть I.

Борис Лисаневич

О, дивный новый мир,
С такими вот людьми,
Не правда ль,
Человечество прекрасно.

(слова Миранды, дочери Просперо,
из трагикомедии Шекспира «Буря»,
акт V, сцена 1)

Его судьба представляет типичный пример своего поколения. Первичная социализация — детство прошло в уютном городе, в кругу большой, дружной и зажиточной семьи. В метрической книге Одесской Николаевской церкви в Ботаническом саду имеется запись № 237 о рождении Бориса Лисаневича 4 октября 1905 года и крещении 1 ноября того же года [6].

Отец, дворянин Николай Александрович, был отставным офицером, предки традиционно служили в русской армии в офицерских чинах. Особенно славен был прапрадед Бориса генерал Григорий Иванович Лисаневич (1756 — 1832). Обширная информация о нем содержится в книге А.В.Михайловского-Данилевского и А.В. Висковатова «Военная галерея Зимнего дворца» (т. V, СПб., 1848 — 1859 гг.). В Одесском государственном архиве хранится фонд семьи Лисаневичей, который содержит письма на его имя с автографами императоров Павла и Александра, других современников.

Борис Лисаневич вспоминал: «Наша семья жила в Одессе. У меня было три брата, я был самый младший. Наш дом в Одессе был на окраине города, между ипподромом и кадетским училищем. Эти два места сыграли наиболее важную роль в моей жизни в Одессе» [7, 67].

Революция 1917 года разрушила семью Лисаневичей. Старший брат погиб в 1918 г. на Балтике, когда его корабль подорвался на mine. Второй брат, тоже балтийский офицер, сражался на стороне белых, расстрелян в 1937 г. Третий брат через Крым и Стамбул добрался до Франции. Сам Борис, курсант кадетского училища, участвовал в гражданской войне, был ранен, семья разорилась и голодала.

Надо было как-то выживать. Случайно, по протекции знакомой, бывший кадет поступает в кордебалет одесской оперы и неожиданно быстро делает успехи на танцевальном поприще. Но мысль о бегстве в Европу не покидает его и в 1924 году по счастливому стечению ряда обстоятельств он уезжает в Германию, а затем в Париж (его мать эмигрировала из России в 1928). Лисаневич поселяется в Париже с паспортом Нансена на руках, работает на заводе «Рено».

Вскоре удача снова улыбается Борису: его принимают в балет Сергея Дягилева. Так началась следующая глава его удивительной жизни. Весь мир был перед ним: Лондон, Рим, Монте-Карло, Америка... Борис танцует во многих балетах. Вне сцены его друзьями становятся Жан Кокто, Игорь Стравинский, Анри Матисс, Серж Лифарь... В труппе Дягилева Борис танцевал пять лет, до смерти ее основателя в 1929 году.

После смерти Сергея Дягилева Лисаневичу пришлось искать новое применение своих сил и он становится участником антрепризной балетной труппы, гастролирует в Европе и Америке, женится на Кире Щербачевой, балерине кордебалета опер Шаляпина. С собственной танцевальной программой они выступали в Китае, Индии, Бирме, Яве, Цейлоне, Сингапуре. Невозможно узнать, понять и передать множественность знакомств, ситуаций и отношений, которые окружали Бориса в той лихорадочной жизни.

Вторым городам, после Парижа, где скитальческая жизнь задержала Бориса, стала Калькутта. В колониальной Индии существовали светские клубы, объединявшие как правило, англичан. Лисаневич нарушает эту традицию и в 1936 г. создает клуб, членами которого могли стать как европейцы, так и представители индийской элиты, а также женщины. «Было решено назвать новое учреждение «Триста», имея в виду, что раз Калькутта — второй город Британской империи, а в Лондоне имеется знаменитый «Клуб — 400», то следовательно, калькуттский должен называться «Клубом — 300»... Перечень из 180 членов-учредителей клуба, представлявших элиту Калькутты, читается как список героев арабских сказок «Тысяча и одна ночь»... Когда сегодня спрашиваешь, что обеспечило беспрецедентный успех

«Клуба — 300», обычно отвечают» — Борис» [7, 126 — 127, 131].

В годы второй мировой войны количество посетителей клуба и друзей Бориса значительно увеличилось за счет американских и британских военных. Он становится очень информированным человеком, к нему проявляют интерес разведки различных стран. Индийцы и американцы считали его русским агентом, а русские — американским.

Начало новому этапу приключений Бориса положило знакомство в 1944 году с королем Непала Трибхуваном. С 1846 г. правители этой страны были оттеснены от власти феодальным семейным кланом Ран и король стремился вернуть узурпированную власть. Между Лисаневичем и Трибхуваном завязалась тесная дружба и Борис включился в сложную операцию по восстановлению власти королевской династии. При поддержке Индии она закончилась успешно в 1951 г.

К этому времени в личной жизни Бориса произошли значительные изменения: он расстался со своей супругой Ксенией, которая не разделяла его увлеченность Востоком и уехала в Америку. Новой женой Бориса стала датчанка Ингер Пфейфер, моложе его на 20 лет. Она родила ему трех сыновей и упокоила его прах.

В сентябре 1951 г. на личном самолете короля Непала по его приглашению Лисаневич прибыл в Катманду. Непал в то время был практически изолированной от мира страной, куда редкие иностранцы могли попасть только по специальному разрешению. Она обладала древней богатой культурой, но полностью отсутствовали т.н. блага цивилизации.

Непал произвел на Бориса ошеломляющее впечатление красотой своей природы и самобытностью. «В первую же ночь я встретил леопарда на улице Катманду, а за долиной — Азию Киплинга, смесь Китая и Индии, оправленную в пейзаж, перед которым меркнет Швейцария». К тому времени Борису наскучила Индия, да и делать там после ухода англичан было особенно нечего. В его уме, который причудливо сочетал авантюризм и практицизм, родилась фантастическая идея поделиться красотой этой страны со всем миром. Это можно было сделать только открыв страну для туристов и альпинистов.

В течение двух лет Борис проделал огромную работу: убедил своего друга короля разрешить выдачу виз туристам, заинтересовал туристические агентства, обеспечил выращивание и доставку продуктов, и самое главное — создал и открыл в 1954 году **Royal Hotel**, единственный такого класса в радиусе 450 миль от Катманду. Уже в марте 1955 года журнал «Life» в большой статье о растущем потоке тури-

стов в Непал признал огромный личный вклад Лисаневича.

Гостиница стала базой для всех альпинистских экспедиций в Гималаи. Борис стал их лучшим другом, начиная с первопроходцев Эвереста Эдмунда Хиллари и непальского шерпа Тенцига Норгея.

Лисаневич отвечал за устройство приемов многочисленных иностранных гостей: Дж. Неру, Чжоу Эньлай, Айюб Хан, Хирохито, Ворошилов, космонавты Николаев и Терешкова... Настоящим триумфом для Бориса стал визит в Непал в 1961 году королевы Великобритании Елизаветы II и ее супруга принца Филиппа. Очарованная Борисом, королева Елизавета назвала его «мой самый лучший русско-британский подданный».

«Когда я взбирался по узкой винтовой лестнице к Борису, я никогда не знал, с кем могу столкнуться в гостинице, — это могли быть Агата Кристи или Франсуаза Саган, принц Карлос или Хиллари» — вспоминал его близкий друг художник Десмонд Дойг. Жан-Поль Бельмондо, очарованный Катманду и восторженный Борисом, снимает о нем документальный фильм. Они также вместе снимаются в фильме Филиппа де Брока «Человек из Гонконга».

Все друзья Лисаневича в один голос говорят, что он не был хорошим бизнесменом. Методичное зарабатывание денег, обогащение казалось ему **скучным делом**. Борис предпочитал захватывающие дух проекты, на которых зачастую зарабатывали другие. Но именно его имя закрепилось в истории развития туризма в Непале. Уже в 1959 г. журнал «Лайф» назвал Бориса «второй достопримечательностью в Непале после Эвереста». Первопроходческий вклад Бориса в становление индустрии туризма в Непале отмечают все туристические справочники по гималайскому королевству. Он начинал с нуля, а сегодня Непал ежегодно посещают сотни тысяч путешественников.

После закрытия «**Royal Hotel**» в 1979 г. Лисаневич открывает свой знаменитый ресторан «**Yak and Yeti**», **пятизвездочный отель того же названия**, а в 1978 — ресторан «Борис».

Борис Николаевич умер 20 октября 1985 году, в 80-летнем возрасте. Газета *Нью-Йорк Таймс* поместила некролог, отдав должное яркой личности нашего земляка. Похоронен он на кладбище британского посольства (у Бориса Лисаневича был британский паспорт). Рядом находится могила его матери Марии Александровны.

«Что в Вашей жизни вы любите и цените особенно?» — спросили как-то Бориса. Показывая на далекие горы, джунгли и храмы Катманду, тот ответил: «Все это — игра. Только одно может

быть достойным в этой жизни — насколько много людей вы сделаете счастливыми».

Через множество лет после того, как одессит открыл миру Непал, пришло время Одессе открыть своего земляка. Начало этому было положено в 1997 г., когда после завершения одесской альпинистской экспедиции на Дхаулагири (8167 метров) один из ее участников журналист и путешественник Виктор Кленов обнаружил в книжном магазине Катманду книги Мишеля Песселя «Тигр на завтрак», «Горы остаются молодыми» китайской писательницы Хан Сюин и «Мой Катманду» английского журналиста и художника Десмонда Дойга. За две недели поисков в Катманду Кленов пересмотрел фотографии из архива Лисаневича, беседовал с множеством людей, знавших его лично. Это были жена Бориса и его сыновья, ближайшие друзья.

С того времени Кленов ежегодно путешествует по Востоку, регулярно посещает Непал, собирает информацию о Лисаневиче, пропагандирует его в Катманду и Одессе.

К сожалению, очень многое упущено. Мишель Пессель, который долгое время лично общался с Лисаневичем, отмечал: «Борис никогда не раскрывает всей правды. В его самых поразительных рассказах, на которых строится его легендарный облик, всегда есть какая-то недоговоренность. Кроме того, рассказывая потрясающе забавные истории, он всегда забывает упомянуть об истинной роли, которую в тех удивительных обстоятельствах играл он сам. Я полагал, что будучи близким другом Бориса, хорошо понял основные события его жизни и услышал все, что стоило услышать. Но позднее я обнаружил, что существуют целые пласты его биографии, которые мне абсолютно неизвестны» [7, 271].

В интервью Виктору Кленову жена Бориса Ингер сказала: «Я надеялась, что вся история жизни Бориса была рассказана Десмонду. Однако, никто не знает всей истории. «Тигр на завтрак» — это только эпизод, обрывающийся на 1969 году. Десмонд умер прежде, чем смог расшифровать магнитофонные записи.

Борис был очень закрытым человеком. Я всю свою жизнь потратила на то, чтобы разгадать его. Я думаю, может из — за революции, когда он был просто кадетом, юношей, он замкнулся в себе. То, что люди видели, думали и знали о Борисе было лишь внешней оболочкой. Никому не удавалось проникнуть глубоко. Он был публичным человеком, но его внутренняя жизнь оставалась загадкой».

Вторая часть статьи, посвященная Александру Марку, будет помещена в следующем номере.

Литература

1. Государственный архив Одесской области (далее ГАОО). — Ф. 274. — Оп. 2. — Д.19. — Л.VIII.
2. Бовуар С. де. Воспоминания благовоспитанной девицы / С. де Бовуар. — М. : Согласие, 2004. — 496 с.
3. Паустовский К. Повесть о жизни. Собрание сочинений в 6-ти т. — Т. 3. / К. Паустовский. — М. : Художественная литература, 1958. — 791 с.
4. Мальро А. Человек в процессе рождения // В кн.: Мальро А. Зеркало лимба. — М. : Прогресс, 1989. — 515 с.
5. Вейль С. Укоренение. Письмо клирику. — К. : Дух і Літера, 2000. — 350 с.
6. ГАОО. — Ф. 37. — Оп. 13. — Д. 639. — Л. 122 — 123.
7. Peissel Michle. Tiger for breakfast: the story of Boris of Kathmandu / Michle Peissel. — Time Books Int. — New Delhi. — 282 p.

Пищехуха В.Г. Борис Лисаневич і Олександр Марк: одесити «покоління belle époque». — Стаття.

Анотація. Стаття присвячена пам'яті двох видатних одеситів, які блискуче само-реалізувалися в протилежних географічних місцях Землі: Катманду і Парижі. З метою висвітлення і осмислення їхньої схожої долі розроблена і застосована концепція покоління «прекрасної епохи».

Ключові слова: покоління, «прекрасна епоха», Одеса, еміграція.

Pischemukha V.G. Boris Lisanevich and Alexander Mark: Odessa citizens of the «Belle Epoque» generation. — Article.

Summary. The article is written in memory of two outstanding citizens of Odessa, who were successful in self-actualization in different parts of the Earth: Kathmandu and Paris. The concept the “Belle Epoque” generation was developed and introduced for the purpose of description of their similar lives.

Keywords: generation, “Belle Epoque”, Odessa, emigration.